

Калики перехожие

От озера было от Мыслеева,
Из того мона́стыря Артемьева,
Собирались калики перехожие,
Перехожи калики, добры молодцы,
Сорок калик со каликою;
Выходили на поле на чистое,
Але на поле калики да становилися,
Клюки-посохи они да порастыкали,
А бершатые-те сумочки развешали.
Собиралось их, калик, да добрых молодцов,
А сорок калик да со каликою.
Але клали они да тежёл залог,
А тежёл-де залог, да большу заповедь великую:
«А пойдём собирать мы милóстыню
Ради Христа, царя небесного,
А и кто из нас, братцы, заворуется,
Але кто из нас забледуется,
А и кто из нас пойдет за ба́бьем-прелесью —
Не князем судить нас Владимиром,
А своим судом, судом калическим:
Закопать молодца по грудей в землю,
Положить у него-де руки пó пяты,
Говорок-езык да вынеть назад теменём,
Ретиво сердцó промеж два плеча,
Очы ясные вынеть да вон косичами».
Положили они залог, велику заповедь,
Помолилися калики, положили за плечи сумочки,
А оттуль они вперед пошли и ётправились.
А идут они по полю по чистому,
Им навстречу едет солнышко Владимир-князь,
Говорит им солнышко Владимир-князь:
«Уж вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
А здорово ле, да ясны соколы,
А далеко ле у вас нончи путь лежит?»
Говорят князю калики перехожие:

«Уж ты здравствуй, солнышко Владимир-князь,
Мы идем нончи от озера Мыслеева,
Из того мона́стыря Артемьева,
Уж пошли мы до града до Киева,
А проходим, бывает, мы до Чернигова,
Попросить милóстыню ради Христа, царя небеснаго».

Говорит-то им солнышко Владимир-князь:

«Уж вы ой еси, калики, добры молодцы!
У меня с собой да не случилось,
Не случилось с собой, не пригодилосе
А не хлебной милóстыни, не денежной,
Уж зайдите вы домой да во высок терем,
Уж к моей, значит, княгини да мать Апраксии,
На попу́тье она накормит всех,
А кому понадобится, с собой положит».

Кабы тут калики распросилися,
Распросились со князем со Владимиром.
А поехал-де солнышко Владимир-князь,
А пошли-де калики перехожие,
Приходили ко городу ко Киеву,
А ко власкову ко князю ко Владимиру,
Заходили в гриню да во столовую,
А молилися они да Восподу Богу,
Але кресты они кладут да по-писа́ному,
А поклоны-те ведут да по-учёному,
А молитву творят полну Сусову,
На вси стороны калики да низко кланялись,
Уж княгини они да ёсобицу.

Говорит им княгина да мать Апраксия:

«Уж вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
Приходите-де, пожалуй, да ясны соколы,
Вы откуль-де, каки, да добры молодцы?»

Говорят они, калики да перехожие:

«Уж от озера-де мы да от Мыслеева,
Из того мона́стыря Артемьева,
Попросити мы милостыни радí Христа,
Але ради Христа, царя небеснаго».

Говорит им княгина мать Апраксия:

«Не видали ли вы князя Владимира?»

Говорят-де калики таково слово:

«Але встретился нам солнышко Владимир-князь,
Але стретился-де князь-от нам на поли,
Уж просили мы милостыню ради Христа,
А сказал нам-де князь да таково слово:
“У меня с собой ведь здесь да не случилось,
Не случилось с собой, не пригодилось,
А не хлебной ведь нет, право, не денежной,
Уж вы пойдите-ко ко мне да в стольной Киев-град,
Уж зайдите вы ко мне да во высок терем,
Уж к моей княгине да мать Апраксии,
Напоит она и накормит вас”».

Говорит им княгина мать Апраксия:

«Уж садитесь-ко вы все да за дубовой стол
Хлеба-соли-де ись, перевару пить,
А затим у князя чего Бог послал».

Кабы скоро калики да не ослышались,
Уж садились они да за дубовой стол
Хлеба-соли ись да перевару пить,
Они пили да ели, хлеба кушали,
Але всяких да разных, право, кушаньёв,
Напились они, наелись, да накушались,
Кабы вышли из-за стола да дубового,
Помолились они да Восподу Богу,
А спасали князя со княгиною.

Говорит-то княгина да мать Апраксия:

«Уж вы ой еси, калики, да добры молодцы!
У вас кто собира́т с собой милостыню?»

Говорили они, калики да перехожие:

«Собират у нас удалой доброй молодец
По прозванью Красота Касьян да сын Степанович».

Говорит-де княгина да мать Апраксия:

«Красота-де Касьян да сын Степанович,
Уж пойдём-ко ты да в кладову со мной,
Положу я тебе да милóстыню».

Повела-де княгина да добра молодца,
Завела молодца да во теплú лежню́,

Говорила княгина да таково слово:

«Уж ты ой еси, да добрый молодец,

Красота Касьян да сын Степанович!
Я хочу тебе сказать да таково слово:
Сотворим со мной любовь, право, телесную,
А телесную любовь, да восердечную».
Говорит-то Касьян да сын Степанович:
«Уж ты ой еси, княгина да мать Апраксия!
Кабы как я могу такое дело делати?
Преступить-де закон, заповедь Божию?
А я должён принять да тогда суд большой,
Але суд большой от своей братии?»
А говорит ему княгина да во второй након,
А на это ле Касьян не соглашается.
А на это еще княгина да насмелилась,
Говорит Касьяну да во третей након;
И на это-де Касьян не соглашается.
Уж княгина-то она да разгорелосе,
Разгорелася она да осержается,
Говорит она Касьяну да таково слово:
«Уж давай-ко сюды свою да, право, сумочку,
Положу я тебе, право, милостыню».
Понесла-де она его да, право, сумочку,
Положила туда чашу царскую,
Без которой он не пьет, не ест,
А не пьет, не ест, хлеба не кушает;
А Касьян-от не знат смотреть.
Выходила она в гриню-де во столовую,
Але все тут калики да становилися,
Становилися они, Богу молилися,
А спасали князя да со княгиною,
А пошли они, калики да молодецкие.
Уж идут они-де полем чыстым,
Але долго идут, коротко ле,
А идут с утра день до вечера,
Але смотрят назад добры молодцы,
Але сзади за имá сугон-погонушка,
А погонушка за нима да нонь великая,
Кабы гонит-то богатырь по чисту полю...
А бы после было того, после этого,
Кабы после калик да перехожиих

А приехал бы князь из чыста поля,
Захотел он, князь, попить-поись,
А попить-поись, хлеба покушати.
А княгина на стол стала ставити,
Она ставити стала, право, кушанье,
А хватилася она чаши чарския,
Говорила она князю да нонь Владимиру:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь!
Кабы были здесь калики перехожие,
А поила я, кормила хлебом-солью их,
Кабы с тих ле ведь пор, не могу я знать,
Потерялася да чаша чарьская,
Из которой-де ты пьешь да нынче кушаешь,
Не могу я найти да негде чашечки».
Говорит тогда-де солнышко Владимир-князь:
«Некого в сугон послать да за каликами,
Обыскать их всех, калик да перехожиих».
Да послал он Олёшиньку Поповича.
А Олёша да ле скоро да он сряжается,
Кабы скоро Олёша да сподобляется,
Усадился Олёша да на добра коня,
Уж погонил он в сугон за каликами,
Он наехал их на поли на чистоем.
Уж Олёша ён был роду невежлива,
Невежлива был роду, неучеслива,
Он не мог с людьми съехаться,
По-хорошему с людьми разъехаться,
Нагонил он калик да перехожиих,
Закрычал он, Олёша, да ярым голосом,
Ярым голосом да во всю голову:
«Уж вы воры ле, калики перехожие!
Уж вы где пьете-едите — тут и серите,
Уж покрали вы чашу да, право, царскую!»
А идут-де калики да не ёслышатся,
На Ёлешу ле ёни да не ёгленутся.
Он вскрычал, Олёша, да во второй након,
А идут они, калики, да не ослышатся;
Он вскрычал еще, Олёша, да во третьей након,
Он заехал меж да во середочку.

Как схватили они у Олёши добра коня,
Как добра коня да за шелковы повода,
Кабы сняли они Олёшу со добра коня —
Кабы сняли у Олёши нонь штаны с гузна,
А давали они Олёше да все по тяпышу,
Прибавляли они все да по алабышу,
Кабы подняли Олёшу назад на добра коня —
Уж не может он сидеть да на своем гузне,
На своем гузне, да на коне в седле,
Кабы едет Олёша на добром коне,
Але конь-от бежит да коровою,
Молодец ле сидит да вороною.
А завидел его солнышко Владимир-князь:
«Молодец, ответил, едет не по-старому,
Але конь-от бежит да не по-прежнему».
Выходил-то ведь уж князь да на круто крыльцо,
Говорит-то он Олёше таково слово:
«Уж ты что же нонь, Олёшинька Попович сын,
Але едешь ты нонь да не по-старому,
Не по-старому-де едешь, да не по-прежнему?»
Говорит ему Олёша да таково слово:
«Я наехал калик на поле на чистым,
Я с каликами хорошо да не объехался,
А не объехался с имá, не поздоровался,
Закричал-то ле я да ярым голосом:
Уж калики-те не воруют — во первой након,
Закричал-то ведь и я им во второй након,
А на это ли калика не ослышаться,
Не ослышаться, да не ёглянуться.
Я заехал-де к има да во середочку,
Я скрычал-то им да во третей након,
Але тут калики воротилися,
Поимáли коня да за шёлковы повода,
А сымали меня да со добра коня,
А стенули у меня они штаны с гузна,
Але все они-де клали мне по тяпышу,
Але все прибавляли да по алабышу —
Не могу теперь сидеть я на добром коне».
Говорит тогда-де солнышко Владимир-князь:

«Поезжай давай, Добрынюшка Микитьевич,
По-хорошему с каликами здоровайся».
Але скоро ле Добрыня нонь срежается,
А скоре того Добрыня сподобляется,
Уж пошел ле Добрыня вон на улицу,
А садился Добрыня на добра коня,
Поезжал он в сугон да за каликами,
А состиг он да на поли на чистоме,
А ёбъехал их Добрыня он, добрых молодцов,
Слезывал Добрыня со добра коня,
Але снял он поклон со буйной главы,
Говорил-де Добрыня таково слово:
«Уж вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
А здорово-те ле, все да ясны соколы?
Уж я посланой от князя от Владимирера
Поискать-де у вас да поспроведати —
Уж вы были у князя, у Владимирера,
Уж вы сумками своимя да разбросалися,
Второпях вы, люди дорожны, не ошиблись ле,
Не попала ле вам чашка царская,
Без которой-де чашки царь не пьет, не ест?»
Але тут они, калики, да становилися,
Свои посохи в землю поростыкали,
А бершатые-те сумочки развешали,
Кабы стали они всех, право, обыскивать,
Кабы всех они обыскали ноне сорок ле —
Не могли натти-де чашку да, право, царскую,
А один ище у них да не обыскан был,
Красота-де Касьян да сын Степанович.
Уж Касьяна-де стали они нонь обыскивать —
Уж нашли они чашку да, право, царскую,
Они отдали Добрынюшке Микитичу.
Говорят они, калики перехожие:
«Уж мы что будем над Касьяном да нончи делати?»
Говорит им Касьян да таково слово:
«Уж вы ой еси, робята добры молодцы!
Кабы вся наша дружина да заговорная,
Кабы этой я ле чашки да не прычинен был,
Положила мне княгина да мать Апраксия —

Кабы чё надо мной хочите делайте!»
Уж не верят они словам да нонь Касьяновым.
Кабы стали они молодца закапывать,
Положили у его руки под пяты,
Закопали-де его да по грудям в землю,
Говорок-язык стали — назад теменем,
Очи ясные его да вон косичами,
Ретиво сердце да промеж два плеча;
Над Касьяном-те они да надругались,
Не положили они, право, в гробницу-ту,
Кабы тут они его, право, оставили,
А пошли они вперед да во Чернигов-град.
Они шли кабы времени полсуточек —
Але все у них Касьян да назади стоит,
А пошли они-де нонь да в другу сторону —
Але все у них Касьян наперед стоит.
И промеж они собой да становилися,
Клюки-посохи они да поростыкали,
Уж бершаты свои сумочки развешали,
Толковать они да стали промеж собой:
«Уж виноваты мы, робята, нынче сделались!
Говорил нам Касьян да от всего сердца:
Не виновен-де я, да не причинен здесь.
Надругались мы да не поладили,
Да не положили в гробницу да белодубову».

[*Старина словами досказана так:*] Калики воротились назад к тому месту,
где закопали Касьяна,
и погребли его по христианскому обряду. После этого видение Касьяна уже
не преследовало калик.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1901 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от
Дуркина Дмитрия Карповича, 40—45 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.